

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 4 (24). С. 120–131.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 120–131.

Научная статья

УДК 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-120-131>

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ СЕМИ БОГАТЫРЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРНЫХ МАНСИ

**Светлана Алексеевна
Попова**

Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
rusina-popova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0675-2743>

Аннотация. История народа манси исчисляется тысячелетиями и связана со сложными процессами генезиса и постоянных межкультурных контактов. Несмотря на то что в последние десятилетия территория Северного Урала и Западной Сибири активно исследуется в археологическом отношении, продолжают оставаться дискуссионными вопросы об определении времени сложения угорской общности, локализации её восточных границ, а также субстратной основы, давшей начало формированию мансийского социума. В этой связи представляется перспективным привлечение в качестве историко-этнографического источника мансийских мифов и преданий, рассказывающих о разных этапах этногенеза. В настоящей статье посредством анализа передвижений мифологических персонажей в образе Семи богатырей с верховьев Лозьвы рассматриваются миграционные процессы, приведшие к формированию северной этнографической группы манси. Перемещение мифологических богатырей с предгорий Урала (верховья р. Северная Сосьва) приводило к постепенному заселению ими территории Приобья – низовий Северной Сосьвы (усть-сосьвинские манси), части Ляпина (сыгвинские манси). Мифы показывают, что, в отличие от первоначального заселения этой территории, исход с Северного Урала происходил не большими, а малыми разнородными коллективами людей. В качестве дополнения к историко-этнографическим исследованиям нами анализируются сюжеты мифов и преданий, проливающие свет на миграции населения. На мифологическом, лингвистическом и этнографическом материале рассматриваются вопросы освоения переселенцами сакрального пространства на новых территориях. Новизна исследования состоит в попытке рассмотрения сложения локальных групп северных манси на основе миграций, отраженных в мифологии, которые были обусловлены определёнными историческими событиями.

Ключевые слова: манси, миграции, мифы, предания, Урал, *мёнкв*, богатыри, духи-предки, духи-покровители.

Для цитирования: Попова С. А. Мифологические перемещения Семи богатырей как отражение процесса формирования северных манси // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 4 (24). С. 120–131. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-120-131>

Сведения об авторе: С. А. Попова – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории и этнологии, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 628011, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А.

Scientific Article

UDC 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-120-131>

THE MYTHOLOGICAL MOVEMENTS OF THE SEVEN BOGATYRS AS REFLECTION OF THE FORMATION PROCESS OF THE NORTHERN MANSI PEOPLE

Svetlana A. Popova

Ob-Ugric Institute of Applied
Researches and Development
Khanty-Mansiysk, Russia
rusina-popova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0675-2743>

Abstract. The history of the Mansi people goes back thousands of years and includes complex processes of genesis and intercultural contacts. Despite the fact that the archaeological research of the Ural and Western Siberia regions is actively ongoing, the issues of determining the time of the formation of the Ugric community and the localization of its eastern borders, as well as the substrate that gave rise to the formation of the Mansi society, remain controversial. In this regard, it seems promising to use Mansi myths and legends as a historical and ethnographic source to reveal the individual stages of ethnogenesis. In the article, by analyzing the movement of mythological characters in the form of the Seven Bogatyrs from the upper reaches of the Lozva River, the author examines the problem of migration processes and the identification of the Northern ethnographic group of the Mansi people. Their movement from the foothills of the Urals (the upper reaches of the Severnaya Sosva River) and the gradual settlement of the Ob region: the lower reaches of the Severnaya Sosva River (the Ust-Sosva Mansi people), parts of the Lyapin River (Sygva Mansi people), which shows a mythological descent from the Northern Urals, but unlike the original settlement, not by large, but by fragmented human groups. In addition to historical and ethnographic research, the author analyzes myths and legends that shed light on these migrations. Also based on mythological, linguistic, and ethnographic material the study considers the issues of the settlers' arrangement of the sacred space in the new territories. The novelty of the research lies in the attempt to determine the actual formation of the local groups of the Northern Mansi based on mythological migrations, which establish certain historical events and have influenced their further ethno-cultural development.

Keywords: mansi people, migrations, myths, legends, Ural, *mēŋkv*, bogatyrs, ancestral spirits, patron spirits.

For citation: Popova, SA 2025, 'The Mythological Movements of the Seven Bogatyrs as Reflection of the Formation Process of the Northern Mansi People', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 120–131, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-120-131> (in Russ.)

Information about the Author: Svetlana A. Popova – PhD in Historical Sciences, Leading Researcher, Research Department of History and Ethnology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, 14A, Mira Str., Khanty-Mansiysk, 628011, Russia.

Введение

Наше исследование посвящено северной этнографической группе манси. Их язык относится к северной группе диалектов мансийского языка, в котором различаются диалектные говоры, распространённые по верхнему, среднему и нижнему (устье) течению р. Северная Сосьва, а также в верховьях р. Лозьва (верхне-лозьвинский диалект). К этой группе относится и население по р. Ляпин – левого притока Северной Сосьвы (имеет другие местные названия – Сыгва и Сакв-я). Манси по р. Ляпин являются носителями сыгвинского диалекта. Данная статья связана с актуальной проблемой этнической истории северных манси: а именно – с определением времени и характера освоения их предками некогда нового для них пространства.

З. П. Соколова в своём исследовании по обским уграм (ханты и манси), сделала вывод, что манси пришли на указанные выше территории с Западного и Южного Урала. Время массовой миграции она датировала XVII–XVIII вв., допуская и более ранний, но незначительный, переток населения в XIII–XIV столетиях [27, табл. 5; 29, с. 96–97]. Ее историко-этнографические исследования мы можем дополнить сюжетами мифов и преданий, которые, возможно, приведут к пониманию миграционных процессов в Северном Зауралье. А. Ф. Косарев писал: «К числу древнейших и, с точки зрения современного человека, наиболее архаичных относятся мифы о перво-предках и временах творения, когда герои-предки создавали мир, устанавливали нормы и способы человеческой жизнедеятельности» [9, с. 17]. Однако можно ли искать в таких мифах зёрна рационального знания о прошлом?

Обратимся к мифологическим источникам. Начнём с событий, когда предки манси «сходили» (мигрировали) с предгорий Урала в его низменную восточную часть. В этот период население Урала в мифах представляется как *йиспорат м̄хум* ‘древнего времени народ’ сплотившийся в один (о других в мифах не говорится) большой союз *Т̄орум щир* (*сир*) от слов *Т̄орум* ‘бог, небо, верх’ и *щир* (*сир*) – послелог «по», букв. ‘[живущие] по-божески’, то есть по подобию бога или подобно богу живут высоко, вверху. Ранее мы отмечали, что в сознании народа эта его часть представлялась «верхними, небесными», отличными от «земных» обитателей Сосьвы и Ляпина [21, с. 91].

Из всех мифологических персонажей объединения *Т̄орум щир* выделяются *м̄нукв’ы* (*силум м̄нукв султмил* ‘силачей м̄нукв’ов группа / племя’) и *ўтици* (*силум ўтицит султмил* ‘силачей ўтици группа / племя’), люди-великаны – племена древних охотников, шедшие вслед за стадами дикого оленя и лося. Они имели посохи из лиственницы, из этого дерева строили свои дома. Эти великаны оставили память о времени проживания на Урале в многочисленных горных оронимах [12, с. 237; 21, с. 89–97, 93; 24, с. 129; 26, с. 57]. Применительно к более позднему времени они выступают как воины в блестящих / сверкающих кольчугах. Их социальная организация – большие братские семьи, которые в XVII–XVIII вв. «играли большую роль в производстве и освоении угодий» [29, с. 352]. Эти братья-богатыри символизировали *пор м̄хум* ‘народ *пор*’ (одно из предположительно фратриальных названий в брачной системе манси) и могли представляться *м̄нукв’ами*. Последние предстают в мифах как первые люди, неудачно изготовленные Верховным богом, превратившиеся в горных и лесных сверхъестественных существ.

Из анализа неопубликованных материалов П. Е. Шешкина следует, что «большие человеческие коллективы “бывших уральцев” по мере “схода” с Урала, распадалась на мелкие (*мань-си* – П.Ш.) семейные, родовые коллективы, чтобы иметь возможность использования промысловых ресурсов для обеспечения жизни. Они начали заселять благоприятные для охотничьего и рыболовного промыслов таёжные берега озёр, проток, маленьких речек преимущественно в верховьях крупных

горных рек Лозьвы и Сев. Сосьвы»¹. В ходе расселения начала складываться брачно-регулирующая система – разделение на фратрии *пор* и *мощь*. С ней же связано начало формирования верхнелозьвинской и верхнесосьвинской диалектной групп северных манси.

Материалы и методы

В качестве источников при написании статьи привлекались материалы из работ отечественных археологов и этнологов. Образование отдельных групп манси, а также их этнические связи привлекали внимание многих исследователей: В. Н. Чернецова [36; 37; 38], З. П. Соколовой [25; 26; 28; 29], Е. Г. Фёдоровой [30; 31; 32; 34], Е. П. Мартыновой [11], Н. Л. Гондатти [6], Е. А. Пивневой [17], А. В. Головнёва [5], Е. В. Переваловой [15; 16], И. Н. Гемуева, А. М. Сагалаева [3], И. Н. Гемуева, А. В. Бауло [4]. Отдельно назовём изыскания учёных манси: Е. И. Ромбандеевой [23], Р. К. Бардиной [1; 2], В. С. Ивановой [7], С. А. Поповой [20; 21; 22]. В статье использованы публикации обско-угорского фольклора [13; 14], а также полевые материалы автора [1993–2018 гг.].

Методы, примененные автором, являются универсальными для такого рода исследований – системный анализ этнических и историко-культурных процессов. В качестве доказательной базы применялся метод сопоставления данных разных дисциплин: этнографии, фольклористики, языкознания.

Результаты

Время массового переселения народов, фигурирующих в мифах, с Северного Урала, а также заселение ими таёжно-болотистой части и низовий северных рек в их устье (Северное Приобье) описывается в фольклоре и в ранних письменных источниках. Научная значимость таких сведений высоко оценивается специалистами [13, с. 33]. В них отражается процесс освоения современной территории проживания северных манси и сложения диалектных групп – сосьвинско-ляпинской и нижнесосьвинской (их часто называют усть-сосьвинские или обские манси) [22, с. 741].

Примером может служить рассказ о странствиях мифологической группы Семи богатырей-братьев с верховьев уральской р. Лозьва на р. Большая Обь, а затем по рекам Северная Сосьва и Ляпин / Сыгва до небольшой болотисто-лесной протоки *Сбрахт*, где они поселились окончательно. Место их проживания стало святилищем, находящемся в устье священного *Хулюм*'а (место нерестилища ценной для манси рыбы – язя). Путь следования богатырей отмечен оставленными ими «топонимическими следами», а их поступки находят отражение в мансийских мифах, преданиях и драматических сценах на Медвежьих игрищах.

В мировоззренческих представлениях самих манси процесс продвижения Семи богатырей символизирует великое переселение предков. Число семь для манси является сакральным, оно используется для подчеркивания святости, наличия большого числа воинов (не семь, а целое войско) или предметов. В исследованных нами мифах и преданиях говорится и о других ратных походах Семи братьев воинов-богатырей, также двигавшихся с верховьев к устьям уральских рек. Богатыри, о которых пойдёт речь в нашей статье, имеют несколько разных названий:

по рекам: *Лўссум талях сāt ōтыр* 'Верховья Лозьвы Семь богатырей'; *Я талях акиянув* 'Верховья реки наши деды /дяди'; *Я талях сātōтыр* 'Верховья реки Семь богатырей'; *Я талях мāхум* 'Верховья реки народ'; *Пўиң акиянув* 'Берега [вдали, букв. с дальнего] наши деды/дяди'; *Пўиң мāхум* 'Берега [дальнего] народ'; *Сбрахт акиянув* 'Сорахта наши деды /дяди'; *Сбрахт сāt ōтыр* 'Сорахта Семь богатырей'; *Ялпың Хўлюм-сунт сāt ōтыр* 'Священного устья Хулюма Семь богатырей' (букв. устья язёвого нерестилища);

по отцу их называют: *Сярысьныл кēтым сāt ōтыр* 'С моря, посланные Семь богатырей'; *Вит ўсныл квāлум мāхум* '[из] водного городища вышедший народ'. Их

отец – *Луссум вит ялпын ѳтыр* ‘Лозьвинской воды святой богатырь’, *Вит ялпын пупы гѳйка* ‘Воды святой дух-мужчина’ обитал на притоке реки Лозьва [23, с. 80];

по наличию воинской атрибутики: *Керын алпил сѳт ѳтыр* ‘Железные тела [имеющие] Семь богатырей’ (т. е. в кольчугах), *Сыраит* ‘Сабельники’, т. е. с саблями [23, с. 75];

по пройденному ими пути о них говорят: «объехавшие шесть рек, объехавшие семь рек» [14, с. 315]. «Это было, когда Земля установилась. Людей ещё не было в те времена. Эти менгквы были с Неба в море спущены. Из моря они пешком вышли, вверх по Оби и Сосьве поднимались» [3, с. 72].

В разных вариантах мифов братья-богатыри то были спущены с неба, то вышли из воды, чтобы сделать остров. Е. Г. Фёдорова писала: «Возможно, в этих сюжетах мифов заложена идея о возникновении мира (среды обитания), и в данном случае важно то, что в представлениях северных манси этот процесс увязывается с пришлым населением» [33, с. 222]. В варианте мифа, услышанного нами от жителя Ломбовожа, говорится, что люди видели, как по реке *Хулюм* плывёт большой корабль с воинами и останавливается на её середине, где в форме большой лодки образуется остров. Этот остров существует и поныне в окрестностях Ломбовожа. Он является священным, поскольку на нём обитает дух-предок *Хулюм аки* ‘Язёвой реки (нерестилища) дядя/дед’ (о нём речь пойдёт ниже).

Выйдя с р. Лозьва, переселенцы, очевидно, двигались по р. Северная Сосьва, где низовье, выше протоки Лапорская, можно выйти на Малую Обь, а затем и на Большую Обь. На пути к низовьям реки Северная Сосьва, в её среднем течении, они, проявив хитрость, сумели обмануть богатыря, духа-предка среднесосьвинской группы манси, одного из сыновей Верховного бога – *Тѳгт котиль ѳйк’у* ‘Середины Сосьвы богатырь-хранитель’. Он был сильный, храбрый и ловкий воин (одет в кольчугу, вооружён саблями, имеет лук со стрелами). Будучи мудрым охранителем вверенной ему территории, врагов не пропускал ни вверх, ни вниз по реке. Напротив своего городка (в двадцати километрах ниже поселения *Сортын-я*), он перегородил реку запором (плотиной) из камней, и никто без его ведома не мог проехать по реке. Сломать каменную плотину оказалось под силу богатырям с верховьев Лозьвы благодаря уловке. Они дошли до преграды, ушли под воду и появились на её поверхности ниже каменного перекрытия, и таким образом дали людям возможность плавать по реке. От разрушенного запора остался каменистый перекат, проезжая его, надо обязательно опустить в воду серебряную монету или семь связанных в узел лоскутков (полосок) ткани, т. к. вода в этом месте считается священной со всеми вытекающими требованиями к таким местам (по факту здесь находится рыбное нерестилище). Этого обычая манси придерживаются до сих пор [23, с. 52–53].

Следующая остановка Семи богатырей с верховья Лозьвы – это территория нижнесосьвинской (усть-сосьвинской или обской) группы северных манси, в частности, поселение Вежакары ‘Священный город’ (*Вежа-кар* (зыр.), *Ялпын ѳс* (манс.), *Емын вож* (хант.) с этим же переводом) на Большой Оби.

О том, что в этом поселении проводились периодические (календарные) праздники *Яныг ѳйкв* ‘Главные танцы’ или *Пупыг ѳйкв* ‘Духов [богов] танцы’, напомнившие В. Н. Чернецову медвежий праздник, известно с его слов [8, с. 186; 35, с. 38]. Наиболее существенным отличием периодических от спорадических обрядов по случаю добычи медведя В. Н. Чернецов считал заключительную сцену с *мѳнкв’ами*, которая так и называется «Танец семи *мѳнкв’ов*». Согласно сюжету присутствующим на празднике испуганно сообщают, что *мѳнкв’ы* показались за рекой, они уже на реке, поднимаются на берег. Они якобы идут покарать людей за их дурные поступки, нарушения табу и т.д. В доме начинают искать и находят виновных во всеобщих грехах. Это две перепачканные кровью деревянные фигурки, изображаю-

щие мужчину и женщину. *Мёнквы* ударами палиц распахивают дверь, врываются в дом. На головах у них надеты высокие маски со свисающими конскими хвостами, за которыми спрятаны лица представляющих их артистов. Присутствующие на представлении люди, выдают им окровавленные фигурки. *Мёнквы* забирают их и уходят за Обь, где в кедровом лесу находится святилище с сакральной постройкой (манс. *ўра*), перед которой они кланяются, ударом палицы сокрушают принесённые жертвы и, ставши в круг, исполняют свой танец. После окончания действий *мёнквы* снимают маски, укладывают их и палицы в амбар.

В одном из предыдущих исследований, посвященных мансийским календарным праздникам, нами сделан вывод о том, что в описанном выше сюжете *мёнквы* выступают в роли судей, избавляющих людей от грехов [18, с. 115]. Можно говорить о том, что с приходом *мёнквов* начинают функционировать правовые нормы. В мансийском фольклоре роль судьи – одна из функций медведя. Так, в качестве доказательства невинности подозреваемый даёт клятву на одной из частей тела медведя (клык, лапа, шкура и т. д) со словами: «Если я виновен, то пусть меня разорвёт медведь». В Вежакарах он считается первопредком. В одной из песен, исполняемых на Медвежьем празднике, говорится о том, что медведь спущен отцом с Верхнего мира, затем он (медведь) идёт в лес и добывает сам себя. Вернувшись в поселение, он просит собрать народ и играть Медвежий праздник, на котором даёт наказ о его семилетнем цикле (семь лет подряд проводить, а затем делать семилетний перерыв) [18, с. 109–115].

История путешествия Семи богатырей-братьев имеет своё продолжение. Выйдя с Большой Оби по протокам на Малую Обь, они приобретают статус духов-покровителей. Е. И. Ромбандеева описала, как их представляют на Медвежьем празднике: «Весной, во время отстрела диких уток один обской мужчина поехал на охоту, но охота не удалась, уток не было. Смотрит, по весеннему половодью большая коряга плывёт. Присмотрелся, это большая лодка плывёт. В лодке семь богатырей гребут. Мужчина испугался, но старший из братьев сказал: если ты признаешь нас своими покровителями, мы тебя не тронем. Охотник согласился, на берег из своей лодочки выпрыгнул, дерево срубил, изображения семи братьев-богатырей (манс. *ула*) сделал, а работу сопровождал пением, где их восхвалял, причём на хантыйском языке» [23, с. 124]. Эта традиция сохраняется, например, на мансийском Медвежьем празднике в Хошлоге, где некоторые песни исполняются на хантыйском языке. Считается, что мужчина-охотник, вырубивший скульптуры Семи богатырей, в будущем обретает удачу в промысле.

Далее богатыри двинулись по течению протоки Вайсово, добрались до Северной Сосьвы, поднялись (против течения) до устья Полевой Вогулки, где она впадает в Северную Сосьву. Увидели «[подходящий] высокий мыс с редким лесом (*Хāль ўс* (манс.) *Сумыт вож* (хант.) ‘Берёзовый город’), решили там переночевать. На этом мысу они хотели обосноваться: «устроить город, устроить деревню. Где они сидели, где они жили, семь своих посохов из лиственницы поставили. От этих посохов лиственничная роща выросла. То место у манси священным стало. С мыса хорошо, далеко видно рыбную реку *Tāgt* [Сосьва], им мысль пришла последовать по ней» [14, с. 315].

Остановились в среднем течении Северной Сосьвы по р. Палья, немного выше поселения *Хохау* на плёсе *Хохау воль* (Сухой или пересыхающий плёс). В этом месте река широкая, но непроходимая для больших лодок и судов, имеется только один узкий участок, где они могут пройти; рядом с ним и поселились богатыри (целое войско). Н. Л. Гондатти, будучи в экспедиции к манси, записал часть мифа, где речь идёт о Семи богатырях, промышлявших разбоем и грабежом проезжающих мимо лодок, с которыми, в конце концов, расправились воины богатыря *Tāgt котиль*

ōik'и [6, с. 37–38]. После поражения богатыри с верховья Лозьвы вынуждены были уйти дальше на р. Сыгва / Ляпин. На том месте, где они жили, оставили изображения (деревянные статуи) семерых мужчин в чёрных одеждах. Они представляют духов-покровителей этих мест, их символ – птица ворон. Перед изображениями делали жертвоприношения [23, с. 60]. Уходили они не с пустыми руками, а, применив очередную хитрость, прихватили с собой младшую дочь *Tāgt котиль ōik'и* в жёны для своего младшего брата, хоть отец её и берёг в крепости под большим секретом от посторонних: содержал в доме без огня, без воды.

Далее их путешествие продолжилось по р. *Сакв-я* (Сыгва / Ляпин) – эти Семь богатырей [по реке] до деревни Мувынтес (ныне не существующей) и добрались. Имеется ряд преданий, где говорится, что в далёком прошлом в этом поселении одинокие муж и жена нашли в сухом лиственничном пне мальчика, назвали его Лиственница. Вырос он, женился и от него пошёл род, который заполнил это поселение: «деревня Мувынтес так и образовалась, так и появилась» [14, с. 305–317]. В преданиях также есть «весть», что в это же поселение пришли (приплыли) Семь богатырей из Лозьвы (*Лўссумныл ёхтум мāхум*), и что один из их символов – дерево лиственница. Шли они не куда-нибудь, а к своим родственникам, некогда ушедшим с родных мест и осевшим в Мувынтесе. О первом переселении народа с верховьев рек можно узнать из мифов «О Великом Потопе» (манс. *Ялпын сакв*). Поэтому богатырей-братьев здесь приняли, и они как воины не раз сумели защитить от врагов себя и окружающих, по этой причине впоследствии эти богатыри были признаны духами-покровителями поселения. И до сих пор им поклоняются их потомки, живущие по р. *Сакв-я*, Хошлогские манси» [14, с. 319; 23, с. 44]. (Почему Хошлогские? В 40-е годы прошлого века всё население Мувынтеса было переселено в Хошлог, и деревня опустела).

В продолжение рассказа Е. И. Ромбандеевой о представлении Семи богатырей на Медвежьем празднике: до 1937 г. в поселении Хошлог во время Медвежьего праздника исполнялись сценки-танцы *Я талых сāt ōтыр* 'Семь богатырей с верховья реки'. «Здесь их представляли дважды. Первый раз в призывной песне, где идёт пересказ о походе Семи братьев-богатырей «по семи рекам, по шести рекам». О пройденном ими пути: передвигаются на лыжах, тащат нарты (следовательно, действие происходит зимой). Потом плывут в лодке по Оби, где в сезон половодья состоялась их встреча с охотником на уток, и где они получили статус духов-покровителей (разлив реки, значит, весна). Далее они уже одеты в рубахи, головы накрыты платками и завязаны так, как это делают мансийские мужчины, защищаясь от солнечных лучей и комаров (значит, уже лето). Восхваляется их сила – «сильные воины, осилили все препятствия, не нашлось сильнее их людей». Перечисляются подвиги, отмечаются места дислокации и оставленные пометки. После окончания призывной песни исполняется само представление. «Семь богатырей с верховья реки» уже в образе семи воинов с саблями в руках (манс. *сыраитот* слова сабля). Их наряд необычен и совсем не походит на мансийскую одежду: шёлковые халаты, островерхие шапки с меховой опушкой и семью лоскутками на макушке. Шапки низко сдвинуты, вокруг шеи – шёлковая ткань-косынка, которая прикрывает часть лица. Музыкант исполняет мелодию на традиционном музыкальном инструменте (манс. *сāнквылтап*). Под эту мелодию они проходят в танце семь кругов, меняя позы и стуча саблями друг об друга» [23, с. 124–126].

Известно, что во время танца через ритмическое повторение движений исполнитель входит в особое экстатическое состояние и находится в контакте с миром духов. Ритмически организованные телодвижения оказывают сильное влияние на подсознание, а затем и на сознание. По устному свидетельству Е. И. Ромбандеевой, её отец – один из исполнителей танца «Семи богатырей с верховьев реки Лозьва» на

Медвежьим празднике 1937 г. – рассказывал ей о своих ощущениях. Он ощущал некое «парение» над полом и незримое присутствие восьмого танцора, который якобы «вёл» всех остальных.

В Муwentесе богатыри совершили несколько подвигов, защищая народ от посягательств врагов, приходивших с той (западной) стороны Урала. Но пришло время, и жители поселения отправили их на Сорахт в устье священного Хулюма. Прямо из Муwentеса свернули на Малый Кемпаж. И по Кемпажу поднялись туда, где сейчас живут. Как шли, так и река пошла: р. Малый Кемпаж – это и есть их дорога [14, с. 315; 3, с. 80].

Место же почитания богатырей по предковой памяти, находится на р. Лозьва. Жители рек Северная Сосьва и Ляпин ездили туда на коллективные обряды и возили с собой в «гости» изображения своих духов-предков (манс. *нāй-ōтыр’ы*), воспринимаемых людьми как *акиянуv-āкванув* ‘наши дедушки-бабушки’.

Протока Сорахт соединяет реки Ляпин и Кемпаж, в устье которого на р. Лобынка находится поселение Ломбовож (манс. *Лопың үс*). Название протоки вошло в состав имени одного из сыновей устроителя Медвежьего праздника *Полум Тōрум’а* – *Ур Мис хума* ‘Горных [возвышенностей] мужчины-Мис’, который после переселения на Сохрат стал именоваться *Сōрахт талых о́йка* ‘Вершины Сорахта мужчина / хозяин’. В мифе он имел «большой дом», его стены были из надставленных стволов лиственниц. В таких домах жили и *мēнк’ы*, имеющие связь с медведем. В доме мужчины Вершины Сорахта у одной из стен сидят в ряд семь медведей, а перед ними сам хозяин. Он следит за порядком на периодических медвежьих празднествах и выступает исполнителем наказаний для нарушителей запретов, в частности, запрета смотреть танец «Семи *мēнк’ов* с Сорахта» и слушать призывную песню «Сорахта семь богатырей» [13, с. 544, коммент. 6]. Есть сведения о древнем городке сверхъестественных существ *утчи* на р. Кемпаж (около Сорахта).

Многим исследователям культуры манси известно, что в прошлом на Сорахте в канун летнего периодического Медвежьего праздника (манс. *Тōрев ййкв*) проводились соревнования на лодках (гонки на лодках) между мужчинами разных поселений. Гонки проходили и перед обрядовыми мероприятиями на главном святилище *Тōрум кан* [3, с. 85–87; 18, с. 63–64]. Этим подчёркивалась значимость места, где обосновались пришедшие с верховья Лозьвы Семь богатырей. Обязательное посещение мест обитания предков на лодках регламентировано традицией. В данном случае почитание выражалось и выражается в поклонении священным местам так называемым *ялпың үс* ‘священный город [предков]’, где изначально сакральная нагрузка лексемы *үс* семантически восходит к мансийскому *үсыл* ‘смерть (погибель)’.

Таким образом, наше исследование показывает мифологическое путешествие Семи богатырей с верховья Лозьвы и расселение их в низовьях уральских рек. Эта «история» не противоречит данным других исследователей. Предание освещает исторические процессы освоения народом манси новых территорий и складывания сосьвинско-ляпинской диалектной группы. На материалах мифов и преданий, существующих до настоящего времени в традиции, в том числе аккумулированных в посвящённых медведю (о медведе) песнях, исполняемых в дни Медвежьего праздника, которые «в полной мере можно отнести к категории мифов» [см.: 10]. Мы показали возможность реконструкции некоторых важных аспектов ранней этнической истории северных манси. Полученные результаты органично дополняют и оживляют выводы З. П. Соколовой [27]. Наше исследование подтверждает, что мифы и предания являются ценным этнографическим источником.

Примечания

1. Шешкин П. Е. Тетради 1-4 // ХМФ – № 1143 / 1-4 рукописи.

Список источников и литературы

1. Бардина Р. К. Обские и нижнесосьвинские манси: этносоциальная история в конце XVIII – начале XXI века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 150 с.
2. Бардина Р. К. Угорское население нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 291 с.
3. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
4. Гемуев И. Н., Бауло А. В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 240 с.
5. Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
6. Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: тип. Е. Г. Потапова, 1888. 91 с.
7. Иванова В. С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века) : монография. 2-е изд., дораб. СПб.: Алмаз-Граф, 2014. 285 с.
8. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. 284 с.
9. Косарев А. Ф. Философия мифа: мифология и её эвристическая значимость : учеб. пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 304 с.
10. Люцедарская А. А. Медвежьи песни как феномен культуры сибирских угров // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири : [сб. ст.]. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. С. 78–83.
11. Мартынова Е. П. «Разных земель люди», «разных городков люди»: этногенетические процессы в Северном Приобье по материалам этнографических исследований // Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое : [доклады междунар. науч. конф., г. Ханты-Мансийск, 29-30 октября 2012 г.]. Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2012. С. 34–50.
12. Матвеев А. К. Материалы по мансийской топонимии и горной части Северного Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та, 2011. 260 с.
13. Мифы, сказки, предания хантов и манси / сост. Н. В. Лукина. М.: Наука, 1990. 568 с.
14. Мифы, предания сказки манси (вогулов) / сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с.
15. Перевалова Е. В. Вежакарский культовый комплекс (трансформация традиций и перспективы сохранения) // Этнокультурное наследие народов России: к юбилею д-ра ист. наук, проф. З. П. Соколовой : [сб. ст.]. М.: Август Борг, 2010. С. 141–151.
16. Перевалова Е. В. Мифологизированные связи-пути локальных культур (обские угры) // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 88–91.
17. Пивнева Е. А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М.: ИЭА РАН, 1999. 306 с.
18. Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008. 138 с.
19. Попова С. А. Роль периодического медвежьего праздника *Яныг йикв* в формировании социума северных манси // Вестник угроведения. 2015. № 1 (20). С. 89–100.
20. Попова С. А. Миграции манси и фольклорные мотивы: к проблеме фольклора как исторического источника (на примере северной группы манси) // Вестник угроведения. 2016. № 4 (27). С. 101–114.
21. Попова С. А. Древнее население Северного Урала по мифам северных манси // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18). С. 89–97.
22. Попова С. А. От Урала до Оби: героический путь вождя-богатыря *Намыңотыр’а* // Вестник угроведения. 2018. № 4. С. 741–754.
23. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Северный дом : Сев.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 208 с.
24. Слинкина Т. Д. Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2011. – 480 с.

25. Соколова З. П. О сложении этнографических и территориальных групп угров // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока : (тезисы докл. Всесоюз. конф.). Новосибирск, 1973. С. 123–132.
26. Соколова З. П. К происхождению современных манси // Советская этнография. 1979. № 6. С. 46–58.
27. Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 8–47.
28. Соколова З. П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Традиционные верования и быт народов Сибири (XIX – начало XX в.) : [сб. ст.]. Новосибирск: Наука, 1987. С. 118–143.
29. Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
30. Фёдорова Е. Г. Обские угры: этнокультурная ситуация в период с XI–XVI вв. // Сибирь: Древние этносы и их культуры : [сб. ст.]. СПб.: МАЭ РАН, 1996. С. 6–38.
31. Фёдорова Е. Г. Обские угры: вехи этнической истории // Народы Сибири в составе государства Российского (очерки этнической истории). СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 5–68.
32. Фёдорова Е. Г. Территориальные группы северных манси: современная ситуация // CIFU IX [Congressus nonus internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu 7.-13.8.2000 = Международный конгресс финно-угроведов, 7-13 августа 2000 г., Тарту]. Тарту, 2000. С. 126.
33. Фёдорова Е. Г. Ломбовож: к возможному прошлому // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. ст. Томск ; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2002. Ч. 1. С. 216–226.
34. Фёдорова Е. Г., Первалова Е. В. Этнографический очерк // Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург: Сократ, 2008. С. 431–470.
35. Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. № 2. С. 20–41.
36. Чернецов В. Н. Очерк этногенеза обских угров // Краткие сообщения института истории материальной культуры (КСИИМК). 1941. Вып. 9. С. 18–28.
37. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1953. № 35. С. 7–17.
38. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Чернецов Валерий Николаевич. М., 1970. 63 с.

References

1. Bardina, RK 2009, *Obskiye i nizhnesosvinskiye mansi: etnosotsialnaya istoriya v kontse XVIII – nachale XXI veka* (Ob and Lower Sosvin Mansi: Ethnosocial History in the Late 18th – Early 21st Century), Izdatelstvo SO RAN publ, Novosibirsk. (In Russ.)
2. Bardina, RK 2011, *Ugorskoye naseleniye nizhnesosvinskogo Priobya (XVIII–XXI veka)* (Ugric population of the Lower Sosvinsk Ob region (18th–21st centuries)), Izdatelstvo SO RAN publ, Novosibirsk. (In Russ.)
3. Gemuyev, IN & Sagalayev, AM 1986, *Religiya naroda mansi. Kultovyye mesta (XIX – nachalo XX v.)* (Religion of the Mansi People. Cult Places (19th – Early 20th Century)), Nauka publ., Novosibirsk. (In Russ.)
4. Gemuyev, IN & Baulo, AV 1999, *Svyatilishcha mansi verkhovye Severnoy Sosvy* (Mansi sanctuaries of the upper reaches of the Northern Sosva), Izdatelstvo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN publ., Novosibirsk. (In Russ.)
5. Golovnev, AV 1995, *Govoryashchiye kultury: traditsii samodiytsev i ugrov* (Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians), Uralskoye otdeleniye Rossiyskoy Akademii nauk publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
6. Gondatti, NL 1888, *Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri* (Traces of paganism among the natives of North-Western Siberia), Moscow. (In Russ.)

7. Ivanova, VS 2010, *Lokalnyye osobennosti v obryadnosti severnykh mansi (konets XIX – nachalo XXI veka)* (Local features in the rituals of the northern Mansi (late 19th – early 21st centuries)), IIC YSU, Khanty-Mansiysk. (In Russ.)
8. *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* (Sources on the ethnography of Western Siberia) 1987, Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ, Tomsk. (In Russ.)
9. Kosarev, AF 2000, *Filosofiya mifa: mifologiya i yeyo evristicheskaya znachimost* (Philosophy of Myth: Mythology and Its Heuristic Significance), PER SE publ, Moscow, Universitetskaya kniga publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Lyutsedarskaya, AA 2000, 'Medvezhyi pesni kak fenomen kultury sibirskikh ugrov' (Bear songs as a cultural phenomenon of the Siberian Ugrians), *Narody Sibiri: istoriya i kultura. Medved v drevnikh i sovremennykh kulturakh Sibiri* (Peoples of Siberia: History and Culture. Bear in Ancient and Modern Cultures of Siberia), Izdatelstvo IAET SO RAN publ, Novosibirsk, pp. 78–83. (In Russ.)
11. Martynova, EP 2012, 'Raznykh zemel lyudi', 'raznykh gorodkov lyudi': etnogeneticheskiye protsessy v Severnom Pribye po materialam etnograficheskikh issledovaniy' ("People of different lands", "people of different towns": ethnogenetic processes in the Northern Ob region based on ethnographic research), *Sibirskiy ugry v ozherelye subarkticheskikh kultur: obshcheye i nepovtorimoye* (Siberian Ugrians in a Necklace of Subarctic Cultures: Common and Unique), Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ, Khanty-Mansiysk, Tomsk, pp. 34–50. (In Russ.)
12. Matveyev, AK 2011, *Materialy po mansiyskoy toponimii i gornoy chasti Severnogo Urala* (Materials on Mansi toponymy and the mountainous part of the Northern Urals), Izdatelstvo Uralskogo In-ta publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
13. *Mify, skazki, predaniya khantov i mansi* (Myths, Tales, and Legends of the Khanty and Mansi), comp. by N. V. Lukina, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
14. *Mify, predaniya skazki mansi (vogulov)* (Myths, legends, and tales of the Mansi (Voguls)), comp. by Ye. I. Rombandeyeva, Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)
15. Perevalova, EV 2010, 'Vezhakarskiy kultovyy kompleks (transformatsiya traditsiy i perspektivy sokhraneniya)' (Vezhakarsky cult complex (transformation of traditions and prospects for preservation)), *Etnokulturnoye nasledie narodov Rossii: k yubileyu doktora istoricheskikh nauk, professora Z. P. Sokolovoy* (Ethnocultural Heritage of the Peoples of Russia: on the Anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Z. P. Sokolova), OOO "Avgust Borg" publ, Moscow, pp. 141–151. (In Russ.)
16. Perevalova, EV 2012, 'Mifologizirovannyye svyazi-puti lokalnykh kultur (obskiye ugry)' (Mythologized connections and paths of local cultures (Ob Ugrians)), *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural Historical Journal), no. 2 (35), pp. 88–91. (In Russ.)
17. Pivneva, EA 1999, *Mansi: populyatsionnaya struktura, etnodemograficheskiye protsessy (XVIII–XX vv.)* (Mansi: population structure, ethnodemographic processes (18th–20th centuries)), IEA RAN publ, Moscow. (In Russ.)
18. Popova, SA 2008, *Mansiyskiye kalendarnyye prazdniki i obryady* (Mansi calendar holidays and rituals), Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ, Tomsk. (In Russ.)
19. Popova, SA 2015, 'Rol periodicheskogo medvezhyego prazdnika Yanygyikv v formirovanii sotsiума severnykh mansi' (The role of periodic dear festival Janyg jiku in the formation of the Northern Mansi society), *Vestnik ugrovedeniya* (Bulletin of Ugric Studies), no. 1 (20), pp. 89–100. (In Russ.)
20. Popova, SA 2016, 'Migratsii mansi i folklornyye motivy: k problem folklorе kak istoricheskogo istochnika (na primere severnoy gruppy mansi)' (Migrations of the Mansi and folklore motifs: to the problem of the Mansi folklore as a historical source (on example of the Northern group of the Mansi)), *Vestnik ugrovedeniya* (Bulletin of Ugric Studies), no. 4 (27), pp. 101–114. (In Russ.)
21. Popova, SA 2017, 'Drevneye naseleniye Severnogo Urala po mifam severnykh mansi' (The ancient population of the Northern Urals according to the myths of the northern Mansi), *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology), no. 4 (18), pp. 89–97. (In Russ.)
22. Popova, SA 2018, *Ot Urala do Obi: geroicheskiy put vozhdya-bogatyrya Namyňōtyr'a* (From the Urals to the Ob: the heroic path of the leader bogatyr Namyňōtyr (to the issue of migra-

- tions and the formation of the Sosva-Lyapin group of the Mansi people)), *Vestnik ugrovedeniya* (Bulletin of Ugric Studies), no. 4. pp. 741–754. (In Russ.)
23. Rombandeyeva, EI 1993, *Istoriya naroda mansi (vogulov) I yego dukhovnaya kultura (po dannym folklora i obryadov)* (History of the Mansi (Vogul) People and Their Spiritual Culture (Based on Folklore and Rituals)), AIIK “Severnyy dom” i Severo-Sibirskoye knizhnoye izdatelstvo publ, Surgut. (In Russ.)
 24. Slinkina, TD 2011, *Mansiyskiye oronimy Urala* (Mansi oronyms of the Urals), Izdatelskiy dom “Novosti Yugry”, Khanty-Mansiysk. (In Russ.)
 25. Sokolova, ZP 1973, ‘O slozhenii etnograficheskikh i territorialnykh grupp ugrov’ (About the formation of ethnographic and territorial groups of the Ugrians), *Problemy etnogeneza narodov Sibiri Dalnego Vostoka (teziy dokladov Vsesoyuznoy konferentsii)* (Problems of ethnogenesis of the peoples of Siberia and the Far East (theses of the reports of the All-Union Conference)), Novosibirsk, pp. 123–132. (In Russ.)
 26. Sokolova, ZP 1979, ‘K proiskhozhdeniyu sovremennykh mansi’ (On the origin of modern Mansi), *SE*, no. 6, pp. 46–58. (In Russ.)
 27. Sokolova, ZP 1982, *Obskiye ugry (khanty i mansi) (Ob Ugrians (Khanty and Mansi))*, *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* (Ethnic History of the Peoples of the North), Nauka publ, Moscow, pp. 8–47. (In Russ.)
 28. Sokolova, ZP 1987, ‘K proiskhozhdeniyu obskikh ugrov i ikh fratriy (po dannym folklora)’ (On the origin of the Ob Ugrians and their phratries (according to folklore)), *Traditsionnyye verovaniya i byt narodov Sibiri (XIX – nachalo XX v.)* (Traditional Beliefs and Everyday Life of the Peoples of Siberia (19th – Early 20th Centuries)), Nauka publ., Novosibirsk, pp. 118–143. (In Russ.)
 29. Sokolova, ZP 2009, *Khanty imansi: vzglyad iz XXI v.* (Khanty and Mansi: a view from the 21st century), Nauka publ., Moscow. (In Russ.)
 30. Fedorova, EG 1996, ‘Obskiye ugry: etnokulturnaya situatsiya v period s XI–XVI vv.’ (Ob Ugrians: ethnocultural situation in the period from the 11th to the 16th centuries), *Sibir: Drevniye etnosy i ikh kultury* (Siberia: Ancient Ethnoses and Their Cultures), MAE RAS publ, St. Petersburg, pp. 6–38. (In Russ.)
 31. Fedorova, EG 1999, ‘Obskiye ugry: vekhi etnicheskoy istorii (Ob Ugrians: Milestones in Ethnic History), *Narody Sibiri v sostave gosudarstva Rossiyskogo (ocherki etnicheskoy istorii)* (The peoples of Siberia as part of the Russian state (essays on ethnic history)), St. Petersburg, pp. 5–68. (In Russ.)
 32. Fedorova, EG 2000, ‘Territorialnyye gruppy severnykh mansi: sovremennaya situatsiya’ (Territorial groups of the Northern Mansi: current situation), *IXCIFU*, Tartu, p. 126. (In Russ.)
 33. Fedorova, EG 2002, ‘Lombovozh: k vozmozhnomu proshlomu’ (Lombovozh: towards a possible past), *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo. Sbornik statey* (Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the Mirror of the Past. Collection of articles), Izdatelstvo Tomskogo universiteta publ, Tomsk, Khanty-Mansiysk, part 1, pp. 216–226. (In Russ.)
 34. Fedorova, EG & Perevalova, EV 2008, *Etnograficheskiy ocherk* (Ethnographic essay), *Berezovo (Ocherki istorii s drevnosti do nashikh dnei)* (Berezovo (Essays on history from antiquity to the present day)), ID “Sokrat” publ, Yekaterinburg, pp. 431–470. (In Russ.)
 35. Chernetsov, VN 1939, ‘Fraternalnoye ustroystvo obsko-ugorskogo obshchestva’ (Fraternal structure of the Ob-Yugorsk society), *SE*, no. 2, pp. 20–41. (In Russ.)
 36. Chernetsov, VN 1941, ‘Ocherk etnogeneza obskikh ugrov’ (Essay on the ethnogenesis of the Ob Ugrians), *KSIIMK*, no. 9, pp. 18–28. (In Russ.)
 37. Chernetsov, VN 1953, ‘Drevnyaya istoriya Nizhnego Priobya’ (Ancient history of the Lower Priobya), *MLA*, no. 35, pp. 7–17. (In Russ.)
 38. Chernetsov, VN 1970, *Naskalnyye izobrazheniya Urala* (Rock images of the Urals), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.11.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 17.11.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025